

месленного производства: один делал в доме уклад, двое — содержали оружейные фабрики, выпускавшие офицерские и другие ружья. Таким образом, так или иначе с торговлей были связаны 67 человек — 2/3 от общего числа. Прочие торгов не имели; о четверых добавлено: «а живут праздно»¹⁷.

Сохранение торговой составляющей в структуре отдельных промышленных хозяйств влияло на их устойчивость, на направление и темпы развития. Но для тульского металлопроизводства в целом на данном этапе его эволюции наиболее важными оказывались торговые капиталы, образованные в недрах другой сословной группы, а именно вложенные в промышленное предпринимательство тульскими купцами.

Примечания

¹ ГАТулО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 178. Л. 83.

² Юркин И. Н. Неизвестное раннее сочинение по истории оружейного дела в Туле («Экстракт о начале в Туле оружейных мастеров и оружейного завода...». 1778 г.) // Памятники культуры: Новые открытия. 1999. М., 2000. С. 74.

³ ГАТулО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 17. Л. 10—11об.

⁴ Аксенов А. И. Очерки генеалогии уездного купечества XVIII в. М., 1993. С. 204.

⁵ ГАТулО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 17. Л. 5—5об.

⁶ Тула: Материалы для истории города XVI—XVIII столетий. М., 1884. С. 171.

⁷ Там же.

⁸ Там же. № 4—6.

⁹ Там же. С. 74, 80, 82—84.

¹⁰ Юркин И. Н. Демидовы в Туле: Из истории становления и развития промышленной династии. М.; Тула, 1998. С. 42.

¹¹ Тула: Материалы для истории города XVI—XVIII столетий. С. 171.

¹² Там же. С. 174.

¹³ Юркин И. Н. Неизвестное раннее сочинение... С. 74.

¹⁴ ГАТулО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 178. Л. 83об.

¹⁵ Там же. Л. 83.

¹⁶ Там же. Л. 87об.—88.

¹⁷ Там же. Л. 87об.

ЗАПИСЬ КРЕПОСТНЫХ КРЕСТЬЯН РОССИИ В КУПЕЧЕСТВО И ЦЕХ В СЕРЕДИНЕ XVIII в.

Один из путей, смягчающий вотчинный контроль за предпринимательской деятельностью крепостных крестьян, состоял в записи их в городское купечество или цех. Правительство подобные действия крестьян не запрещало, а, наоборот, поощряло еще указами Петра I от 27 апреля и 16 июня 1723 г. Однако порядок записи предполагал разрешение помещика, оплату владельческих повинностей, выполнение городских сборов и нарядов. Последующие законодательные акты в этой области лишь уточняли и конкретизировали первые положения (вводился имущественный ценз, указывалось на обязательное наличие увольнительных и отпускных писем от помещиков и т. п.)¹.

К сожалению, выяснить масштабы записи в городское сословие помещичьих крестьян России в середине XVIII в. довольно сложно из-за отсутствия сводных источников. В нашем распоряжении имеются лишь отрывочные архивные материалы по отдельным городам, извлеченные из ревизских сказок и дел по записи крестьян в купечество и цех. Основной комплекс дел связан с Москвой, куда стекались многочисленные потоки сельского населения. Документы содержат довольно противоречивые сведения о записи крестьян в московское купечество между II (1744 г.) и III (1762 г.) ревизиями. По данным «сводной ведомости» 1763 г., городского населения таких записавшихся было 35 человек, а по более полной ведомости — 45. По расчетам В. Н. Яковцевского в III ревизию из помещичьих крестьян было приписано в купечество 84 человека, а по «описанию городов Московской губернии» (1775 г.) — 45².

Ценную информацию по данному вопросу содержат материалы Московского городского магистрата. В нем, начиная с 1758 г., фиксировались почти все дела, связанные с записью в московское купечество и цех. Дела содержали челобитные помещичьих крестьян о записи их в городское сословие, увольнительное или отпускное письмо от владельца, поручительство гильдейских купцов (для записавшихся в купечество), аттестат о профессиональном мастерстве (для записавшихся в цех) и т. п.

В результате статистической обработки указанных дел уста-

новлено, что в московское купечество и цех за 1758—1773 гг. записалось не менее 266 человек, в том числе в купечество 38 человек, а в цех — 228. Наибольшее число записавшихся в городское сословие помещичьих крестьян приходится на 1763—1765 гг., когда в России проходила III ревизия. По существующему законодательству, после очередной ревизии принятые в городское сословие постоянно освобождались от несения владельческих повинностей. За 1763—1765 гг. новоприсланными москвичами оказалось 96 крепостных, или 36,1% от всех учтенных лиц. Усиленная запись помещичьих крестьян наблюдается в 1769 г. (38 человек, или 14,3%) и в 1773 г. (53 человека, или 19,9%). Активный отток владельческих крестьян в Москву в это время объясняется изданием в 1769 г. указа о свободном изготовлении текстильных изделий на станах и мероприятиями московских властей по новой переписи населения в связи с «моровой язвой» 1771 г.

География прибывших в Москву крестьян охватывает довольно большой диапазон. Из 111 записавшихся в городское сословие Москвы, местожительство которых было указано, только один крепостной оказался из Елецкого уезда, а все остальные прибыли из Центрально-промышленного района. Наибольшее число записавшихся приходится на Ярославскую провинцию (58 человек, или 52,3% от всех учтенных), далее следовала Московская (25 человек, или 22,5%), Угличская (9 человек, или 8,1%), Костромская (6 человек, или 5,4%), Нижегородская (4 человека, или 3,6%), Юрьев-Польская (2 человека, или 1,8%), Переяславль-Залесская (2 человека, или 1,8%) и Арзамасская (1 человек, или 0,9%).

Аналогичная картина наблюдается и в начале 1770-х гг. В нашем распоряжении имеются поручные записи записавшихся в московское купечество и цех крепостных крестьян в 1774 г. Подсчитано, что из них в цех было принято 32 человека, а в купечество — 21 человек. Более двух третей записавшихся — это крестьяне и дворовые люди (53 человека из 147)³. Как видим, городское сословие Москвы в значительной степени пополнялось за счет низших слоев пришлого населения. Причем более половины из них — это уроженцы Подмосковья и смежных уездов.

Крепостное крестьянство записывалось в состав горожан и в близлежащие от их местожительства города и посады. Так, в костромской цех и купечество записались помещичьи крестьяне Г. Дмитриев, И. Гаврилов, Г. Сергеев, И. Барблюнин; к Норской слободе — Д. Денисов, А. Селезнев, И. Наумов. В Ярославле осели бывшие крепостные А. Есипов, Я. Михайлов, И. Большой, а в Муроме — П. Самарин с братьями. В Нижнем Новгороде проживало 12 купцов, вышедших из крестьянской среды. По одному-два человека из крепостной деревни

были приписаны в цех и купечество таких городов, как Арзамас, Юрьевец, Галич и Ржев⁴.

В Центрально-Черноземном центре такой активности со стороны крепостных крестьян в середине XVIII в. по изменению своего социального статуса не наблюдалось. Так, по данным ревизских сказок, в воронежское купечество записался лишь один крестьянин Д. Хоритонов (владелец И. Г. Текутьев). Известно следственное дело о незаконной записи большой группы крестьян владельца А. Гончарова в брянское купечество. Потребовав их возвращения, помещик столкнулся с открытым неповиновением крепостных и поддерживающих их брянских жителей. В белгородское купечество были приняты братья Мироновы (владелец А. Выродов)⁵.

Несколько иная ситуация складывалась в Среднем Поволжье, города которого из-за своего промышленно-торгового положения «притягивали» многих крестьян. По данным III ревизии, в цех г. Казани было приписано 23 крепостных, а в купечество — 5. Все они прибыли из Ярославского, Костромского, Унженского, Одоевского и Нижегородского уездов. Отдельные записи в купечество и в цеховые можно встретить в документах по Пензе (крестьянин С. Кондратьев), Курмышу (В. Никитин), Симбирску (Ф. Емельянов), Саратову и другим городам⁶.

В Северо-Западном регионе России основная масса крестьян, желающих записаться в цеховые или купечество, устремлялась в Санкт-Петербург. По далеко не полным данным столичного городского магистрата, в городское сословие были записаны братья Семеновы и Васильевы, Н. Иванов, Н. Павлов, И. Сидоров, И. Кириллов, М. Петров, А. Андреев и др. Некоторые из них объявили довольно солидный капитал. Так, А. Андреев, кроме денежного капитала в 500 руб., сообщил о наличии у него собственного судна, купленного за 500 руб. А дворовый человек Н. Павлов объявил о содержании им «шлиссельбургского дровяного и лесного торга» и собственного дома. Крепостное крестьянство Северо-Запада записывалось в посад и по мелким городам. Так, в Торопце среди горожан числились 7 семей из помещичьих вотчин (26 человек)⁷.

В Северном регионе только в посад Архангельска было записано 184 человека, в том числе 67 крепостных крестьян⁸.

Итак, среди помещичьих крестьян имело место желание изменить свое правовое положение и стать представителями городского сословия. Наиболее четко эта тенденция нашла практическое воплощение в Центрально-промышленном районе, а также близ столичного города Петербурга, Москвы и других крупных губернских центров. Подобный путь вел к освобождению (полному или частичному) крестьян от по-

мещицкой власти, созданию условий для хозяйственной самостоятельности. Но реализация таких устремлений была под силу лишь зажиточным слоям крепостной деревни.

Примечания

¹ ПСЗРИ-I. СПб., 1830. Т. 4. № 3980, 4054; Т. 12. № 9456; Т. 15. № 11426.

² РГВИА. Ф. ВУА. № 18860. Л. 2; Материалы для истории московского купечества. Т. 2. Приложение. М., 1885. С. 21—205 (подсчет наш); Яковцевский В. Н. Купеческий капитал в феодально-крепостнической России. М., 1953. С. 140.

³ Прохоров М. Ф. Записные книги как источник по социально-экономической истории Москвы середины XVIII в. // И. Е. Забелин: 170 лет со дня рождения. Ч. 2. М., 1992. С. 62—63.

⁴ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. № 2068. Ч. 1. Л. 203; Ф. 455. Оп. 1. № 844, 894, 987; Ф. 492. Оп. 1. № 473. Л. 65; Ф. 615. Оп. 1. № 479. Л. 171, 622; ЦИАМ. Ф. 32. Оп. 18. № 168. Л. 1; ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. № 937. Л. 24; № 948. Л. 19.

⁵ РГАДА. Ф. 810. Оп. 1. № 121; ГАВорО. Ф. 18. Оп. 1. № 32. Л. 283—284; Пунарев А. Г. Брянская смута 1747—1757 гг. // Труды Орловской губернской ученой архивной комиссии. Вып. 1. Орел, 1890.

⁶ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. № 1163. Л. 126, 141, 143, 145, 335, 336; № 2944. Л. 299; № 3140. Л. 518; Ф. 768. Оп. 1. № 703; Труды Саратовской губернской ученой архивной комиссии. Вып. 21. Саратов, 1898. Исторические материалы. С. 38—39; Кушева Е. Н. Саратов в третьей четверти XVIII в. // Труды Нижне-Волжского общества краеведов. Вып. 35. Ч. 2. Саратов, 1928. С. 35.

⁷ СПбГЦИА. Ф. 221. Оп. 1. № 47. Л. 1; № 51. Л. 4; № 73. Л. 22; № 82. Л. 10, 62; № 89. Л. 12, 19, 20; Торопец: Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1883. С. 202—207.

⁸ ПСЗРИ-I. СПб., 1830. Т. XVIII. № 13326.

В. Н. Захаров

ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЕ КУПЦЫ В ПЕТЕРБУРГЕ В XVIII в. (к вопросу о стабильности и преемственности внешнеторговой деятельности)

В течение всего XVIII в. известно о деятельности в Петербурге около 2,5 тысяч западноевропейских купцов. Среди них имелись представители почти всех европейских стран.

Насколько постоянным или изменчивым был их состав? Для ответа на этот вопрос в отношении первой половины XVIII в. можно привлечь списки купцов, сохранившиеся за 1719 и 1743 гг.

В списке 1719 г. отмечено всего 29 иностранных купцов (9 англичан, 9 голландцев, 3 гамбургца, 2 датчанина, по одному представителю Любека, Берлина, а также курляндец, француз, армянин и грек)¹. В 1743 г. значится 42 англичанина (в том числе 6 торговых фирм из двух и более коммерсантов, и 29 купцов, торговавших отдельно) и 67 купцов других стран (в том числе 49 торговавших отдельно и 18 иноземцев, составивших 9 торговых фирм по два коммерсанта)². Таким образом, за период с окончания Северной войны и до воцарения Елизаветы Петровны численность торговых иноземцев в Петербурге утроилась.

Но в списке 1743 г. почти нет тех, кто значился в 1719 г. Остались только два англичанина (Богдан Веккель и Джон Эдвардс). Следовательно, в течение 20—30-х гг. XVIII в. состав иноземного купечества в Петербурге сменился более чем на 90%.

Ведомости о товарообороте, сохранившиеся за ряд лет во второй половине XVIII в., свидетельствуют о дальнейшем увеличении численности иностранных купцов в Петербурге и о значительной изменчивости в их личном составе. В этот период во внешней торговле Петербурга одновременно действовало более трехсот западноевропейских купцов. Но, например, 117 человек из 354, торговавших в Петербурге в 1766 г., не упомянуты уже в 1767—1768 гг. и никогда в дальнейшем³. Однако изменения касаются в первую очередь купцов, имевших незначительный товарооборот. Вероятно, это были иноземцы, единожды прибывшие из-за моря в Петербург с небольшой партией товаров, возвратившиеся обратно без особого успеха.

Однако вовсе не эти коммерсанты определяли лицо внешней торговли столичного порта. Львиная доля товарооборота (до 90% и более) сосредоточивалась в руках крупных фирм, регулярно принимавших торговые корабли из-за моря. Систематические сведения на этот счет имеются в рапортах Кронштадтской портовой таможни, сохранившихся с 1742 до 1810 г. (с лакунами за ряд лет)⁴.

Изучение этих рапортов приводит к выводу о стабильности и преемственности в деятельности ведущих западноевропейских торговых фирм во внешней торговле Петербурга в середине и второй половине XVIII в. Так, из четырнадцати британских торговых фирм, принимавших суда в 40-х гг. XVIII в., пять продолжали деятельность до конца XVIII в. (Томсен и Питерс; Вейгор, Шифнер и К^о; Непер и Газенфеллер; Алин и Шарп; Гарднеры, еще две — до середины 1780-х гг. (Томас Фоул; Дингли и Клинк). В 1750—начале 1760-х гг. в Петербурге